

А. Н. Кушлин (Йошкар-Ола)

Субстратная топонимия Марий Эл

В названиях физико-географических объектов Республики Марий Эл наряду с собственно марийскими языковыми элементами функционируют слова апеллятивной лексики, привнесенные или оставленные носителями других языков. В семантическом отношении такие наименования на первый взгляд кажутся затемненными и труднообъяснимыми. Так, название реки *Арда* (мар. *Арде*) – лев. приток р. Волга – марийские ученые объясняют по-разному: И. С. Галкин в своей статье "Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа" причисляет его к группе топонимов с формантом *-да*, справедливо при этом подчеркивая, что оно не поддается объяснению материалами современного марийского языка [Галкин 1967: 204]. Однако в своих последующих изысканиях он считает более вероятным объяснение происхождения речного названия *Арда* и отгидронимных ойконимов *Арда*, *Большая* и *Малая Арда*, *Кого Арде* (офиц. п. Механизаторов), *Ардедёр* (офиц. д. Изеркино) (Килемарск. р-на Мар. Эл) посредством удмуртского апеллятива *ардо* 'трясина, озеро в болоте, полынья' [Галкин 1985: 31; 1991: 34–35].

По мнению Ф. И. Гордеева, в основе названия селений *Арда*, *Большая* и *Малая Арда* лежит апеллятив *арда*, который возводится им к древнеиранской лексеме **ardaka-* 'сторона, направление'.

Со временем гипотеза об иранском происхождении указанных ойконимов подверглась Ф. И. Гордеевым пересмотру. Так, в "Этимологическом словаре марийского языка" (Йошкар-Ола, 1979) ойконим *Арде* возводит он к гидрониму, который, по его мнению, является композитой, состоящей из топоосновы *Ар* и элемента *-да (-та)*. При этом он отмечает затруднения, вызванные балто (пруско)-фракийскими топонимическими параллелями, указывая, что в связи с этим им было высказано предположение о балтийском происхождении ряда гидронимов Волго-Окского междуречья, в том числе и Арды, которое не все лингвисты разделяют [Гордеев 1979: 139–140].

Естественно, подобная процедура этимологического анализа, основанная на внешних звукосоответствиях гетерогенных топонимов и не учитывающая моменты регионально-этнического и исторического характера, отвергается.

Историк К. Н. Сануков, обращая внимание на то, что имеется пара названий *Рдэ – Ардэ*, т. е. *Рутка* (река, впадающая в Волгу недалеко от речки *Ар-*

ды) – *Малая Рутка* (по его мнению, *Арда*), восстанавливает праформу гидронима *Арде* в виде *Ардэ*, где *Ар* 'малая', 'маленькая' + *Рдэ*, допуская при этом возможность стяжения двух *р*. Что касается слова *Рдэ*, то оно, по его мнению, имеет смысл 'ржавчина', 'ржаветь', т. е. вода этой реки имеет цвет ржавчины [Сануков 1983: 136–138].

В общем и эта гипотеза, имеющая свою доказательность и свою притягательность, не учитывает все лингвистические условия возникновения гидронима *Арда*, поэтому и нет, видимо, ее сторонников.

Важно при этом отметить, что до прихода мари в Руткинско-Ардинском междуречье и на местах, прилегающих к бассейнам этих рек, обитали древние удмурты, хотя плотность заселения ими указанной территории могла быть низкой. Так, археолог А. А. Спицын, приписывая найденные им памятники "чуди нижемским" пишет: "Отдельные предметы чудскаго типа и вещи болѣе поздняго происхожденія найдены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ: д. Малые Ключи (близъ устья Пижмы), д. Бурьгина на Немдѣ, д. Б. Туманурь, с. Тужи, поч. Речважъ (близъ с. Шаранги) поч. Лоскутовъ, с. Уста, поч. Высокогровискій, поч. Казанскій, д. Кожи (близъ Яранска), д. Килимары (подчеркнуто нами – А. К.)..." [Спицынъ 1889: 34].

Вероятнее всего, что речь здесь идет о найденных удмуртских вещах.

Что касается результатов изысканий марийских археологов, то они свидетельствуют о разнообразии культур памятников, обнаруженных на левобережье Волги в пределах Килемарского района Республики Марий Эл. Так, стоянки и поселения, расположенные недалеко от поселка Дубовский и деревень Отары и Широкундыш, относятся к памятникам волго-камской культуры [Атлас 1990: 43–45]; кремневые сколы и фрагменты керамики, найденные в деревне Мазикино, находящейся на правом берегу р. Арды, являются памятниками с ямочно-гребенчатой керамикой [Атлас 1990: 61]; стоянка, обнаруженная в 1975 году В. В. Никитиным в 1500 м к юго-западу от деревни Троицкий Выселок на песчаной дюне, протянувшейся вдоль старого русла р. Арды, представляет собой памятник волосовской культуры [Атлас 1990: 119–120]; Ардинское местонахождение, содержащее фрагменты плоскодонной керамики, орнаментированные оттисками зубчатого штампа и рядами выпуклин – памятник приказанской культуры и культуры «текстильной» керамики [Атлас 1990: 178–179]. Ардинское городище, расположенное на правом берегу р. Арды, является памятником двухслойным. Верхний слой, по мнению археологов, дал материал древнемарийской культуры [Атлас 1993: 40]. Что касается нижнего слоя, то он, как полагает В. С. Патрушев, включает многочисленные фрагменты керамики ананьинского облика, которые характерны и для ананьинских памятников Прикамья. Имея в виду наличие двух этнических компонентов как на поселении, так и на могильнике, В. С. Патрушев отмечает, что указанные группы находок (псевдосетчатая керамика и керамика ананьинского облика) различаются лишь своим происхождением. Обращая внимание на наличие посуды смешанного типа, он говорит о существовании тесных связей между представителями двух родовых групп, которые, по его мнению, имели эндогамно-экзогамные брачные отношения, и де-

лает вывод о сложении в контактной зоне особой археологической культуры — ахмыловской [Архипов, Патрушев 1982: 51–57].

Однако совершенно непонятно, как в контактной зоне на основе эндогамно-экзогамных брачных отношений могла складываться особая археологическая культура? Возникновение культуры смешанного типа, как правило, является результатом сложных этногенетических процессов, происходивших в самых разнообразных историко-культурных взаимоотношениях, основным фактором в которых явились взаимоассимиляции носителей разнородных племен, оказавшихся на одной территории.

Что касается выражения «эндогамно-экзогамные брачные отношения», то, как правильно указывает С. Кузьминых и В. Напольских (правда, о термине «экзогамно-эндогамные брачные связи»), его нет ни в одном словаре этнографических терминов и понятий [Кузьминых, Напольских 1994: 145].

Определенный интерес представляет также Дубовский могильник, расположенный на песчаных днах второй террасы р. Волги по бывшей второй Сосновой улице поселка Дубовский (Килемарский р-н Мар.Эл). На могильнике, как свидетельствуют раскопки, различаются три способа погребения: ингумация (59 погребений), кремация (14), кенотафы (8). По мнению археологов, набор украшений: головные цепочки, височные кольца с колбочкой, нагрудные трапециевидные коньковые шумящие подвески, поясные наборы и т. д. — типичны для марийских древностей IX–XI вв. [Атлас 1993: 40–41].

Этот пример является дополнительной констатацией сложности процессов этногенеза и этнической истории народов финно-пермской языковой общности.

Не менее показательны в этом отношении и предания, содержащие исторические сведения о заселении определенной местности, событиях, происходивших на ней в древности. Так, М. Н. Янтемир, описывая Краснококшайский кантон Маробласти, отмечает, что коренным населением этого района являются мари, заселившие его в период между XI и XIV вв. Они были вытеснены русскими колонизаторами с районов правобережья Волги, перейдя на ее левобережье, по рекам Рутке, Большой и Малой Кокшаг поднялись до Краснококшайского кантона.

В предании Кукшарских мари (левобережье Волги вблизи Козьмодемьянска), как он замечает, говорится, что когда-то на востоке от них, до самого Краснококшайского пахотного района на расстоянии 40 верст, где теперь стоит сплошной лес, тянулись поля и ряд марийских селений. Предание подтверждается имеющимся в том лесу обширным старым кладбищем, поросшим уже крупным лесом. Жители Кукшар этим кладбищем не пользовались.

Жители д. Шапов, как подчеркивает он, вспоминают, что их предки когда-то жили на берегах Суры.

Далее М. Н. Янтемир высказывает интересные соображения: «Мари здесь встретились с народом уд-мурт, т.е. вотяками ("одомари"). Одомари не любили уступать свои насиженные места и вступили с мари в борьбу, но принуждены были отодвинуться в восточном направлении» [Янтемир 1926а: 14].

Небезынтересными в этимологической интерпретации топонимов Волго-Камья являются данные антропологии, свидетельствующие также о сложных

этногенетических процессах народов финно-угорской языковой общности, история которых складывалась в интенсивных историко-культурных взаимоотношениях с соседствующими макро- и микроэтносами. Так, результаты исследований дерматоглифики финно-угров Евразии явствуют, что северные и южные удмурты различаются чрезвычайно резко (объем кожного рельефа = 21,2), причем первые максимально сближены с горными марийцами и коми-зырянами (6,0 и 6,2) и мордвой-эрзей (6,7), а южные – с саамами Финляндии (8,7) и затем с саамами-сколтами (12,5); луговых и горных мари разделяет очень небольшое расстояние (8,7), но первые еще ближе к северным удмуртам (6,0), а вторые – к саамам-сколтам (2,2), ивдельским и ляпинским манси (6,0 и 8,1) [Хить 1991: 67–69].

Поэтому неслучайно преобладавшая часть гидронимов (в большинстве случаев названия крупных и средних, а иногда и малых рек) Республики Марий Эл этимологизируются материалами разных уральских языков.

Что касается гидронима *Арда*, то мысль об удмуртском его происхождении, как отмечено выше, была впервые высказана И. С. Галкиным [1985: 31] и подтверждена М. Г. Атамановым [1988: 86]. Правда, они ограничились лишь этимологией названия р. *Арды*, не указав на ее притоки и не пытаясь выяснить их происхождение.

В экономико-географическом описании Маробласти содержатся следующие сведения об этом речном объекте: “Из заметных притоков Волги по левобережью следует заметить рр. Арду и Парат, которые имеют некоторое сплавное значение – Арда имеет притоки – Кажам, Качмыш, Виргиза, Акай и Покшэл” [Янгемир 1926б: 11].

Среди анализируемых ниже названий притоков р. *Арды* имеются и сомнительные по происхождению слова, этимология которых дается в качестве рабочих.

Кажам. В основе этого гидронима лежит общеперм. слово *кож ‘изгиб, излучина’, ср. коми3 *кӧдж* ‘лука, излучина (реки)’, ‘выступ берега, образуемый излучиной реки’, удм. *кож* ‘залив’ [КЭСК 138]. В значении ‘самые глубокие места в реке’, ‘омут’ слово *кож* зафиксировано Б. Мункачи в сарап., мал. и каз. диалектах удмуртского языка [Munkácsi 1990: 178]. По данным М. Г. Атаманова, *кож*, диал. *кожӧ* ‘омут, заводь; излучина реки’ [1988: 64]. В летском диалекте коми-зырянского языка слово *кожа* выступает со значением ‘неглубокое каменистое дно реки’ [ССКЗД 160]. А. С. Кривощекова-Гантман, отмечая название реки *Кодзь* – лев. приток р. Косы (Пермск. обл.), иллюстрирует его коми словами *кӧдз* ‘гравий, мелкая галька’; *кӧдж* ‘хобот, изгиб, лука, излучина, остров’ [Кривощекова-Гантман 1968: 21].

Указывая на физико-географические особенности речки *Кажам*, следует отметить, что с вымыванием дна реки быстринами они изобилуют омутами. Это обстоятельство является одним из факторов сопоставления гидронима с удмуртской лексемой *кож* ‘омут’. Однако такая гипотеза предлагается в качестве рабочей.

Что касается звукоперехода *o > *a* в корневой морфеме гидронима, то он произошел на почве горного наречия марийского языка Ср., например, заимствованные лексемы: чув. *кукар* / *кокар* > марГ *кагыр*, марЛ *кадыр* ‘кривой;

кривизна, изгиб' / удм. *кокырес* 'согнутый, изогнутый' [Федотов 1990: 196]; чув. *пума / посма* (*пус-* / *пос-* 'ступать, наступать' + *-ма*) 'перекладина'; 'лестница'; 'ступенька' > мар. *пашма* 'мостки на берегу'; 'мостик (через речку, ручей)' / коми *пос, пус* 'мост; мостки, лестница' [Федотов 1990: 215]; чув. *турта / торта* (*турт-* / *торт-* 'тянуть' + *-а*) > марЛ *торта*, марГ *тарта* 'оглобля' / удм. *турто* / коми *торта* 'приспособление для сгребания зерна' [Федотов 1990: 252] (см. также гидроним *Кокша > *Какшан*).

Названия притоков *Акай* и *Покиел*, возможно, противопоставлены по семантическим признакам, которые указывают на величину водных объектов.

В глаз., мал. диалектах удмуртского языка лексема *ака*, имеющая варианты *аки, ако*, выступает со значением 'старшая сестра', 'тетя' [Munkácsi 1990: 2]. Не исключено, что в топонимии она функционирует в переносном значении 'старшая река' или 'большой приток'.

В основе гидронима *Покиел* лежит, видимо, удм. слово *покчи* 'младший (-ая)' [УРС 349], ср. глаз *роџи* 'маленькая' (в сравнении с большим) [Munkácsi 1900: 569]. Исходя из этого, можно сказать, что в топонимии слово *покчи* выступает в переносном значении 'младший приток', 'младшая речка' или 'малый приток', т. е. малая река (небольшая) по сравнению с рекой *Акай*. Ср. *Покса*, р., прав. приток р. Кырчма – Селтинск. р-н Удмуртии [СГНУА 108].

Заслуживают внимания и притоки реки Рутки М. Н. Янтемир дает следующую физико-географическую характеристику этой реке: "Река Рутка (Рдэ) выходит из Вятской губернии, где она берет начало в Юкушмской волости на так называемом Вятском водоразделе, протекает по кантону (по Козьмодемьянскому кантону Маробласти – А. К.) с севера на юг на протяжении 70 верст (общая длина 105 верст) и впадает в Волгу в полуверсте ниже города Козьмодемьянска (на 1995) версте Волги).

Большая часть значительных притоков этой реки впадает в нее с правой стороны, а именно: Нужа, Студенка, Кумъя (Большая, Средняя и Малая), Арбач, Вышкар, Ахмыл (Коротняк энтэр); с левой стороны менее значительны – Лям, Кукуша, Нолька, Шушпык-Мур, Старожилка, Пуча, Большой и Малый Кадеш, Памка и Пурма" [Янтемир 1926б: 11].

М. Н. Янтемир не указал такие притоки реки Рутки, как *Нежнур*, *Вергеза*, *Шум*.

Как явствуют названия притоков, этимологически они восходят к разным языковым источникам, в том числе и к пермским.

Среди них существуют и затемненные в семантическом отношении названия, имеющие, однако, параллели в названиях речных объектов современной Удмуртии, Татарстана и Пермской области. К числу таковых относятся: *Кукуша*, ср. *Кукушá*, р. прав. приток р. Бима – Каракулинск. р-н Удмуртии и Татарстан [СГНУА 71]; *Арбач* – *Арбаш йылгасы* – Кукморск. р-н Татарстана [Гарипова 1984: 23].

Следует при этом отметить, что гидроним *Арбач* является композитой, состоящей из двух элементов: *Ар* + *бач*. Компонент *ар* в образованиях такого типа обычно возводят к этнониму *ар* – тюркское, т. е. башкирское, татарское, чувашское, название удмуртов: тат. *баш* 'верховье, исток, начало' [Гарипова 1991: 50, 74].

Однако гидроним *Арбач* интерпретируется на материалах уральских языков: ср. манс. *ār(i)* – сезонная река, по ней можно ранней весной плавать на лодке или при больших наводнениях в летнее время ловить рыбу [Ромбандеева 1965: 48]; общеперм. *va, ср. комиЗ *ва* 'вода, река'. Необходимо заметить, что гидронимический элемент *ва* 'вода' М. Н. Мельхеев определяет как угорское. Ср. также наиболее характерные самодийские речные названия: *ба* (в русском произношении и написании) от камас. *бу*, мат. *бы*, означающих 'воду', 'реку' [Мельхеев 1986: 17, 19].

Гидроним *Вышкар* И. С. Галкин расчленяет на две части: *вышка* (*вишка*) 'проток' и *ар* 'река'. Аппеллятив первой части сравнивает он с комиЗ *вис*, *виска* 'проток, соединяющий болото с рекой или озером', а значение слова второй части объясняет посредством лексемы *ар* 'сезонная речка', приводя для сравнения мар. *ār* 'лужа после весеннего разлива', и констатирует, что *Вышкар* (*вишкар*) первоначально означал реку, протекающую по болотистому месту' [Галкин 1991: 47].

Однако в порядке уточнения следует отметить, что комиЗ *вис* [*виск-*] наполнено лексическим значением 'проток, канал, соединяющий озеро с рекой', 'загородка в протоке' [КЭСК 58]. В диалектах коми-зырянского языка оно фигурирует также со значением 'исток на озеро, проток, соединяющий озеро с рекой' [ССКЗД 52].

Гидроним *Кадеш* по своей структуре является производной, состоящей из лексемы *кад* и гидроформанта *-еш*. Этимологическим соответствием слова *кад* является доперм. лексема **kōd-*, ср. комиЗ *кад* [*кадй-*] – 'топь, зыбун, трясина', 'верхний слой трясины'; удм. *куд* 'болото', встречающееся в северном диалекте [КЭСК 114].

В диалектах коми-зырянского языка слово *кад* и уд. *кавд* выступают со значением 'заболоченное озеро, топкий, зыбкий болотистый берег (озера); трясина, топь' [ССКЗД 144].

Ср. также *Кады*, р., лев. приток р. Кырыкмас – Киясовск. р-н Удмуртии [СГНУА 56], *Кадь* – приток р. Яйвы, впадающей слева в Каму [Кривошекова-Гантман 1968: 21].

Гидроним *Нежнур* является композитой, возникшей сложением двух лексем: *неж* + *нур*. Этимологическим соответствием первого элемента, судя по семантике, является удмуртское слово *неж* 'низина, лощина // низинный; низменный'. В диалектах удмуртского языка оно выступает также со значением 'топь, топкое место; трясина' [УРС 299]. Ср. комиЗ *недзь*, *недз* 'овраг, ложбина; лог' [Беляева 1968: 39], уд. *незь* – сырая лесистая ложбина со мшистой почвой' [ССКЗД 239].

Элемент *нур* в народе обычно связывают с мар. *нур* 'поле', имеющим в марГ вариант *ныр*. Однако и этот элемент гидронима является домарийским, восходящим, вероятно, к общеперм. слову *нюр 'болото', 'сырость', ср., например, удм. *нюр* 'болото', 'влага, сырость'; комиЗ *нюр*, *нюрвыл* 'болото' [КЭСК 201], уд. *нюр* – болото без кочек, где подпочва держит воду [ССКЗД 253].

Следует заметить, что М. Г. Атамановым зафиксировано слово *ныр* со значением 'мыс, полуостров', 'участок земли', однако он не указал, в каком диалекте удмуртского языка оно наличествует [Атаманов 1988: 65]. Указанные им значения слова *ныр* в "Удмуртско-русском словаре" (Москва, 1983) отсутствуют.

Удмуртские элементы в большинстве случаев встречаются в названиях рек и речушек, которые в свою очередь помогают топонимисту объяснять наименования селений, возникших на их берегах в более позднее время. Однако многие небольшие реки на современных географических картах показаны безымянными или вообще не отмечены на них, что во многом затрудняет объяснение названия отдельного селения. Кроме того, одна и та же речка на разных участках своего течения имеет разные названия.

Так, правый приток реки Ировка (Куженерск. р-н Мар. Эл) *Визым* на старых картах и в географических описаниях значителся как *Везим*, *Визимка*. Местное население именует ее *Визюмкой*, а в настоящее время она уже числится как *Изюмка* вследствие выпадения анлаутного звука *в*. И. С. Галкин, исходя из манс. слова *вис*, объясняет ее название как “река, протекающая по низине с мягким травянистым покровом” [Галкин 1985: 34].

Нетрудно заметить, однако, несколько механический характер используемой при этом процедуры этимологизации гидролексем. Если учесть исторические связи мари с удмуртскими племенами, то при объяснении происхождения названия этого речного объекта преимущества приходится отдавать материалу удмуртского языка: ср. удм. *визыл* ‘струйка’, *визыланы* ‘сильно (быстро) течь’ или удм. диал. ‘течь струйкой, струиться’. Переход латерального ауслатного *л* в носовой *м* мог произойти через промежуточную ступень *н*. Ср., например, звукосоответствия по линии сонантов *л-н-м* в марийских словах *блталаш* – *бндаш* ‘обнимать’, *лымыште* – *нымыште* ‘молодая липа’, *лондем* – *ломдем* ‘порог’, *ундо* – *умдо* ‘ жало насекомого’. Суффикс *-к(а)* с уменьшительно-ласкательным значением, служащий для различения размера водного объекта, возник на русской почве. Следовательно, *Визым* – ‘быстротекущая речка’. Деревня *Визым* (офиц. *Визимка*), расположенная недалеко от нее, носит название речки. Ср. также д. *Визил* (Сюмсинск. р-н Удмуртии), р. *Визирма*, прав. приток р. Кильмезь (Сюмсинск. р-н Удмуртии).

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что объяснение происхождения и смыслового содержания реликтовых тополексем, наличествующих в названиях географических объектов Волго-Камья, в плане диахронии является весьма сложным делом. Их анализ чрезвычайно затрудняется по той причине, что с течением времени под совокупным воздействием внешних и внутренних факторов они могут значительно видоизменяться.

Сокращения

глаз. – глазовский диалект удмуртского языка; *доперм.* – допермский язык; *каз.* – казанский диалект удмуртского языка; *камас.* – камасинский язык; *комиЗ* – коми-зырянский язык; *мал.* – малмыжский диалект удмуртского языка; *марГ* – горное наречие марийского языка; *марЛ* – луговое наречие марийского языка; *мат.* – моторский (моторский) язык; *общеперм.* – общепермский язык; *саран.* – сарапульский диалект удмуртского языка; *удм.* – удмуртский язык; *чув.* – чувашский язык.

Список литературы

Архипов Г. А. Ардинское городище / Г. А. Архипов, В. С. Патрушев // Археология и этнография Марийского края, вып. 6. Поселения и жилища Марийского края / Тр. МарНИИ. Йошкар-Ола, 1982. Вып. 55. С. 51–82.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1988. 83 с.

Атлас 1990 – Никитин В. В. Атлас археологических памятников Марийской АССР. Эпоха камня и раннего металла / В. В. Никитин, Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. Вып. 1. 244 с.: ил.

Атлас 1993 – Архипов Г. А. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Ранний железный век и средневековье / Г. А. Архипов, Т. Б. Никитина // Тр. МарНИИ. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. 152 с.: ил.

Беляева А. В. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в коми топонимии / Главн. управл. геодезии и картографии при Сов. Мин. СССР, Центр НИИ геодезии, аэросъемки и картографии. М., 1968. 110 с.

Галкин И. С. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа. Материалы науч. сессии, проведенной МарНИИ (23–25 декабря 1965 года). Йошкар-Ола, 1967. С. 203–210.

Галкин И. С. Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 96 с.

Галкин И. С. Кто и почему так назвал. Рассказы и географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 158 с.

Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимнары сузлеге. Казан: Тат. китап нәшр., 1984. 225 б.

Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. М.: Наука, 1991. 294 с.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 256 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Географические названия Прикамья / Пермск. гос. ун-т им. А. М. Горького, Пермск. отдел. Географ. об-ва Союза ССР. Учен. зап. № 177. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1968. С. 16–51.

Кузьминых С. Рец.: Патрушев В. С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с. / *С. Кузьминых, В. Напольских* // Финно-угроведение. № 1. Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угровед., 1994. С. 143–152.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР, Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970. 388 с.

Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 144 с.

Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских топонимов // Вопросы финно-угорского языкознания. К 70-летию проф. Василия Ильича Лыткина / Ин-т языкозн. АН СССР, Ужгород. гос. ун-т. М.: Производств.-изд. комбинат ВИНТИ, 1965 (на обложке: 1966). Вып. 3. С. 45–52.

Сануков К. Н. К этимологии топонима Арда // Вопросы марийской ономастики: Сб. статей / МарНИИ. Йошкар-Ола, 1983. Вып. 4. С. 136–138.

СГНУА – Словарь географических названий Удмуртской АССР. М.: Наука, 1980. 183 с.

Стицънъ А. А. Вещественные памятники древнѣйших обитателей Вятского края (Реферат, посвященный VIII археологическому съезду). Вятка, 1889.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саранск. филиал, 1990. 336 с.

Хить Г. Л. Саамы в дерматоглифической систематике финно-угров Евразии // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). М.: Наука, 1991. С. 59–82.

Янтемир М. Н. Описание Маробласти. Краснококшайский кантон (С приложением карты кантона). Краснококшайск, 1926а. Вып. 1. 63 с.

Янтемир М. Г. Описание Маробласти. Козьмодемьянский кантон (С приложением списка населенных пунктов кантона). Краснококшайск, 1926б (на обложке: 1927). Вып. 4. 86 с.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára – Lexicon linguae Votiacorum. Pécs, 1990. 837 old.